

КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470)

Н. А. Миронова

Санитарный «ликбез» в Ярославле во время эпидемий 1918–1921 гг.

В первые годы Советской власти в Ярославле свирепствовали эпидемии. Ярославские врачи мужественно боролись с ними, в том числе, проводя активную работу по популяризации санитарно-гигиенических знаний. Объект исследования статьи – особенности санитарного «ликбеза» 1918–1921 гг.: прямолинейность и откровенность, акцент на соблюдении личной гигиены, ориентация на малообразованного человека, образность средств воздействия. Санитарная пропаганда воспринималась врачами как инструмент борьбы с эпидемиями.

Ключевые слова: Ярославль, врачи, эпидемия, агитация, пропаганда, санитарный ликбез, больница, медицина, ассенизация, повседневность, скорая помощь.

N. A. Mironova

Sanitary "Literacy Campaign" during the Epidemics in 1918–1921

In the first Soviet years there were a lot of epidemics in Yaroslavl. Doctors of Yaroslavl were fighting against them with fortitude. They were popularizing community health and hygienic knowledge. The object of this article is the peculiarities of medical campaign against illiteracy in 1918–1921: its straightforwardness, openness, accentuating of private hygiene, direction of attention towards an undereducated person, vividness of methods. Medical propaganda was regarded by the doctors as a method of fighting against the epidemics.

Keywords: Yaroslavl, doctors, epidemic, agitation, propaganda, a medical campaign against illiteracy, hospital, medicine, sewage disposal, everyday life, ambulance.

В первые годы Советской власти в Ярославле свирепствовали эпидемии, вызванные чудовищной санитарной ситуацией в городе. Ярославские врачи мужественно сражались с распространением заразных заболеваний. Наряду с практическими действиями (выявление очагов эпидемий, уход за больными, прививание), они вели активную работу по популяризации санитарно-гигиенических знаний. Особенности санитарного «ликбеза» являются объектом исследования настоящей статьи.

История повседневности, предполагающая «вживание» в быт рассматриваемой эпохи, чрезвычайно антропологически ориентирована, поэтому применение данного методологического подхода позволяет взглянуть под новым углом зрения на, казалось бы, далеко не новую в отечественной историографии проблематику, интерпретировать ситуацию революции, гражданской войны и хозяйственной разрухи в контексте «че-

ловеческого фактора». Отметим впрочем, что с позиции феноменологии, понимающей повседневность как привычную среду человеческого обитания, как ряд повторяющихся изо дня в день действий, мыслей и событий, о страшных эпидемиях тифа, холеры, испанки в Ярославле в 1918–1921 гг. вряд ли можно говорить как о повседневном явлении. Нельзя не согласиться, что они внезапно нарушили привычный уклад жизни. С другой стороны, существуют исследования, свидетельствующие о появлении так называемого «синдрома 1918 года» [1], которые подтверждают факт привыкания людей к бедствиям и разрухе, и то обстоятельство, что эпидемии были для горожан лишь еще одной насущной проблемой, наряду с голодом, холодом и нехваткой продовольствия.

Ситуация, сложившаяся в 1918 г. в Ярославле, несколько отличалась от того, что происходило в других провинциальных городах, также подвер-

женных вспышкам заразных заболеваний. Переход Ярославля к тяжелейшему варианту «революционного быта» был внезапным и более болезненным, чем для многих провинциальных центров. Рубежом может считаться июль 1918 г., когда в Ярославле произошли события, изменившие прежний ход вещей, а именно, антибольшевистское выступление и скорое его подавление. Разрушения города, пожары с огромным количеством переполненных выгребных ям, разорение населения, холод и нехватка продовольствия, – все это стало причиной многочисленных эпидемий.

Если, применяя метод исторической реконструкции, представить Ярославль в 1918–1921 гг., то картина будет устрашающей. Дотла сгоревшие дома, руины, грязь, нечистоты были повсюду. По улицам бродили своры бездомных собак. Зимой город погружался во тьму, люди замерзали от нехватки дров и продовольствия. Даже в школьных помещениях было почти всегда темно и холодно [2]. Летом весь город, особенно его центральная часть, был окутан невероятным зловонием, исходившим от выгребных ям. От мух, вшей и прочих паразитов не было спасения. Эпидемии сменяли друг друга: вторая половина 1918 г. принесла крупную вспышку холеры [3] (врачи сумели предотвратить ее в следующем году, однако в 1920 г. в одном из районов города, прилежащем к Ярославской Большой Мануфактуре, была отмечена новая вспышка эпидемии [4, с. 9–11]), зимой 1919, 1920 и 1921 гг. «испанка» стала совершенно обычным явлением. С 1919 г. в течение долгого времени свирепствовали сыпной и возвратный тиф [5].

Сменяя друг друга, эпидемии не прекращались до середины 1920-х гг. Нарком медицины Н. Семашко, оценивая ситуацию в Поволжье в 1921 г., в одной из своих статей отмечал: «Теперь уже картина выяснилась: холера побеждена. При этом побеждена к началу сентября, то есть к тому времени, когда она развивается обыкновенно до максимума: за июль [1920 г. – Н. М.] зарегистрировано 74.700 случаев холеры, за первые недели августа лишь 16781 случай за третью неделю 1701 и четвертую (сведения неполны, еще поступают) – 290. В Красной армии июль дал 973 заболевания, август 363. Новых крупных очагов не отмечено» [6]. «Победа», как видно, обошлась дорого: масштабы эпидемии производят впечатление, причем как в Поволжье в целом, так и в Ярославле в частности [5].

Санитарный ликбез воспринимался медиками как инструмент борьбы с эпидемиями. Они постоянно исследовали воду на предмет ее пригодности к потреблению, так как водоснабжение города в это время играло ключевую роль в распространении эпидемий. Не случайно Верхнее Поволжье было выделено эпидемиологами в отдельный регион. После событий 1918 г. в Ярославле возникли чрезвычайные проблемы с водопроводом. К 1920 г. он почти полностью вышел из строя. На территории города было несколько колодцев, вода в которых была большей частью непригодна для питья из-за проблем с выгребными ямами. Река Которосль стала настоящим рассадником всевозможных инфекций. Тем не менее, именно оттуда все население огромного фабричного района и жители фабричных корпусов брали воду, правда, были еще и Петропавловские пруды (в одном – стирали, из другого брали питьевую воду). «Прифабричный и фабричный районы в сильной степени загрязнены нечистотами, которые в половодье значительной массой попали в Которосль, в Зеленцовском ручье не раз обнаруживались холерные вибрионы во время прошлых эпидемий» [4, с. 11], – отмечалось в документах. Обратим внимание, что такое легкомысленное отношение к возможности заражения является следствием обозначенного выше «синдрома 1918 года»: люди воспринимают разруху как нечто само собой разумеющееся, привыкают к ней. Городская больница также испытывала чудовищные трудности с водой: на верхние этажи воду приходилось носить вручную, так как водопроводные трубы засорились [7, с. 20].

Вопрос чистоты воды и ее кипячения играл важную роль в пропаганде гигиены и здоровья. Несмотря на чудовищную занятость, врачи организовывали лекции, выступления. В 1920 г. в доме гарнизонного клуба (совр. Дом офицеров) развернулась выставка водных инфекций. Создатели ее очень творчески подошли к организации; экспонатов было достаточно много: картограммы, диаграммы, фотографии, модели, 9 цветных культур в чашках Петри [8], графические и художественные работы, выставленные в рамках диапозитивы по холере и заразным болезням в количестве 80 штук, книги, несколько пробирок с культурой холеры, дизентерии, брюшного тифа. Выставка была открыта для обозрения ежедневно с 12 до 22 часов. Объяснения по экспонатам давали врачи и педагоги. За неделю на выставке побывало 3243 человека, лекции пользо-

вались популярностью: их посетили 2406 слушателей [9, л. 1]. Чем объяснить такую посещаемость выставки? Помимо умело проведенной пропагандистской кампании, вероятно, для многих это было скорее познавательно-развлекательным мероприятием.

Как и следовало ожидать от агитационных и пропагандистских материалов, коими так или иначе являлись приводимые воззвания, они были весьма прямолинейны. Главный объект агитации – городской обыватель, зачастую малообразованный, которому необходимо было разъяснить все детально. Крайне редко использовалась инскапированность или «завуалированность», даже в тех случаях, когда речь шла об относительно интимной личной гигиене. Это вполне понятно: воздействие на публику должно было быть как можно более сильным. Например, на Семеновской площади в Ярославле (совр. Красная площадь) у спуска к Волге в июле 1920 г. (в связи с проведением недели водоснабжения) был помещен грандиозный плакат, площадью несколько десятков квадратных метров, где огромными буквами было выведено: «На 11–17 июля объявлена “Неделя водоснабжения”. В сырой воде гнездится зараза холеры, брюшного тифа и кровавого поноса. Зараза попадает в реки и колодцы из отхожих мест, мусорных ям и помоек. Поэтому охраняйте водяные источники от заражения. При кипячении воды зараза погибает. Пейте только кипяченую воду...» [9, л. 2].

Иногда документы создают такое впечатление, что городские обыватели, равно как и жители окрестных деревень, не особенно отличались от героев М. А. Булгакова в его «Записках иного врача» – тех забавных персонажей, которые раздавали выписанные лекарства всем друзьям и кумовьям, ставили французские горчичники поверх ватника, выманивали сахарком ребенка из материнской утробы, жевали волосы и т. д. [10]. В газете «Здоровье деревни» так рассказывается о неполовых путях передачи сифилиса: «Нередко в деревнях бывает так, что в страдную пору женщина, идя в поле жать, передает своего ребенка другой женщине, говоря: “Посмотри за ним, а будешь кормить своего – дай грудь и моему”. А ведь эта женщина может быть больна сифилисом, и, стало быть, когда будет кормить грудью чужого здорового ребенка, то заразит сифилисом. А вот еще пример как в деревне происходит заражение сифилисом во время молотбы: в глаз попадает усик колоса. Зовут бабку, которая умеет вылизывать соринки из глаз»

[6]. Подобного рода указания дают представления о понятиях крестьян о гигиене, чистоплотности, отношении к здоровью. Разумеется, речь идет не только о реалиях Гражданской войны и первых лет советской власти, но и о традициях, которые сохранялись, несмотря на размах эпидемий. Например, крайне опасным был обычай хоронить покойного на третий день. Только советская медицина сделала подобную «патриархальность» быта объектом внимания врачей-эпидемиологов.

Примитивные представления людей о гигиене в рассматриваемое время могут стать объектом отдельного исследования. Обратим внимание, что лейтмотив воззваний и предупреждений санитарно-эпидемического отдела – «необходимо соблюдать чистоту». В многочисленных стенгазетах, плакатах и т. д. [9] многократно повторяется мысль об отсутствии гигиены в городах и селах. Например, рекомендации жителям деревни таковы: «Помни, что в твоих болезнях ты сам повинен: твоя грязь, невежество и темнота. Помни, что и тиф не от Бога, а от твоей собственной темноты и грязи. Не забывай, что заразу тифа разносит вошь. Берегись затащить вшей из города, где ты вращаешься в толпе незнакомых людей. Берегись занесения тифа прохожими людьми, которых ты впускаешь на ночевку в твою избу. Отведи им отдельное место. Больного не держи дома, а отвези поскорее в больницу» [6]. Действительно, вопрос общественных бань был до середины 1920-х гг. одним из наиболее острых: фактически регулярно работала только баня при Ярославской Большой Мануфактуре, но этого было недостаточно [4, л. 4]. Остальные три бани (центральные (бывшие Оловяжнишниковых), бывшие Петровичева, бывшие Фарбах), реквизированные местными властями в октябре 1918 г., работали со стабильным непостоянством [11].

Пропаганда чистоты постепенно приобретает самые разные формы. Примечательны в данном плане сказки Г. Добржинского-Дизэ («О годе заразном и Тите грязном», «Как Арина чуть не погубила дочь и сына»), опубликованные во многих газетах и несколько напоминающие «Гаврилиаду» И. Ильфа и Е. Петрова. Врач проводит лекцию, подробно объясняя причины возникновения эпидемий и меры борьбы с ними:

К чистоте имей заботу:
Позасыпь известкой рвоту,
А одежду сулемой
Хорошенечко помой.
Не помывши рук – не кушай,

А еще вот что послушай:
Хворь скорей предупреди,
На прививку приходи.
А прививка та – бесплатно,
И чтоб было всем понятно,
Что в прививке за секрет –
Я сейчас вам дам ответ [...] Хворь холеры: рвота, корчи,
Не от глаза, аль от порчи,
А с того, что нам в кишки
Залезают червячки [6].

Доступный язык, образность, злободневность сказок, стилистическая схожесть с творчеством Демьяна Бедного делала их чрезвычайно популярными. Очевидно, что при всей наивности, сказки и подобная «поэзия» обладали немалым пропагандистским воздействием. Отметим, что в поэтическом наследии Г. В. Добржинского-Диез заметен сильный акцент на теме «нечистоплотности» людей, а также сюжетах, связанных с холерой, сыпняком, чахоткой и т. д. [12]

Рисунок 1

Если мы обратим внимание на плакаты того времени, то нас поразит прямолинейность, а зачастую, и откровенность, с которой описывается процесс борьбы с болезнями и вшами – их разносчиками. Черно-красные цвета – излюбленная цветовая гамма подобных плакатов, изображение

огромной вши с красным телом, и, наконец, основной посыл плаката – призыв убивать вшей и соблюдать гигиену. Вызвать страх заражения – одна из целей таких плакатов. Примечательно обращение властей к каждому гражданину, к его совести и добропорядочности (см. рис 1).

Размах эпидемий был связан с проблемой ассенизации. В газетах появились скептически воспринятые публикой предложения «удобрять огороды фекальной массой», а также идеи по устройству надежных выгребных ям: «Поэтому одной из серьезных мер предупреждения болезней должно быть устройство непроницаемых приемников для клозетных нечистот и выгребных ям, а также ни в коем случае нельзя допускать самоистечения из них. Крайний недостаток в лошадях, материал для устройства непроницаемых ям – обязывает каждого сознательного гражданина подумать о других способах уменьшения беды» [13]. Проблема ассенизации возникла в Ярославле сразу же после событий июля 1918 г. [14] и окончательно не была решена в течение нескольких лет. Обратим внимание, что если в 1918–1919 гг. санитарно-эпидемический отдел пытался совместно с городскими властями решить указанную проблему, то с 1920-х гг. они апеллируют к гражданскому долгу, сознательности людей и т. д. Возможно, это не столько является свидетельством отчаяния ярославских врачей, сколько показателем того, что проблема выгребных ям стала постоянной, будничной, превратилась в одну из многочисленных реалий повседневности.

Необходимость усиленного санитарного ликбеза была связана с проблемами в деятельности врачей. Разумеется, помочь всем нуждающимся было просто невозможно. Даже Скорая помощь, которая, казалось бы, должна была восприниматься людьми как спасение от бед, не работала регулярно. В сообщении ярославских врачей в Наркомздрав в феврале 1919 г. говорится о том, что в распоряжении Скорой помощи имеется одна слабосильная лошадь без достаточного фуража, причем «на одних и тех же розвальнях перевозятся всякие больные, как заразные, так и незаразные» [15]. Кроме того, лошадь настолько изголодалась, что вскоре «вследствие истощения не в состоянии была работать» [7, л. 12]. Было, однако, два автомобиля, находившихся в распоряжении Скорой помощи. Казалось бы, что же еще можно было желать? Но из центра прислали газолин (50 пудов) в качестве горючего, который был непригоден для автомобилей. Таким обра-

зом, в феврале-марте 1919 г. Скорая помощь от-казывала больным в перевозке. Впрочем, и поз-же, когда транспортная проблема была отчасти решена (в 1921 г. Скорой помощи предоставили еще несколько лошадей и сравнительно регуляр-но снабжали автомобили горючим), даже в сере-дине 1920-х гг. люди не воспринимали Скорую помощь как избавление от страданий, напротив, в источниках видно ироничное к ней отношение. Например, можно обратить внимание на карика-туру (Рис. 2) (автор Франц Весели), напечатан-ную в газете «Северный рабочий»: карета скорой помощи (на карикатуре – небольшой автомо-биль, проезжавший по улице Стрелецкой) едва едет, у нее отваливаются колеса, а рядом пациен-ты кричат, что умрут, пока она доберется до мес-та [16].

Рисунок 2

Итак, подводя итог вышесказанному, сделаем вывод о том, что отличительными чертами санитарной пропаганды, проводимой врачами, были прямолинейность и откровенность, акцент на соблюдении личной гигиены, ориентация на малообразованного человека, образность средств. Приведенные примеры разных видов агитации (лекции, выставки, литературные произведения, карикатуры, плакаты и т. д.) подтверждают то, что санитарная пропаганда воспринималась врачами как инструмент борьбы с эпидемиями. Врачи не ждали помощи, они уповали на сознательность граждан и собственные методы. К сожалению, подобное пропагандистское воздействие не могло идти врозь с постепенным повышением общей образованности людей – а это был весьма

долгий процесс, поэтому эпидемии удалось взять под контроль только к середине 1920-х гг.

Примечания

1. Курцев, Л. Н. Жилищный вопрос в столичных и провинциальных городах в годы Гражданской войны [Текст] / Л. Н. Курцев // Путь в науку : сборник научных статей аспирантов и студентов исторического факультета / под ред. проф. А. М. Селиванова. – Ярославль : ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2005, Вып. 10. – С. 120–126.
2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф-3456. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 14.
3. Подробнее см. Миронова, Н. А. Санитарно-эпидемическое состояние Ярославля в 1918 г. [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – № 1 (59). – 2009. – С. 232–238.
4. ГАЯО – Ф. 3456. – Оп. 1. – Д. 67.
5. Подробнее см. Миронова, Н. А. Эпидемия сыпного тифа в Ярославле в 1919 г.: «Как вы будете экономку проводить, когда 70 % в сыпняке?» [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2(59). – С. 245–249.
6. Здоровье деревни. – Смоленск, октябрь 1921 г., № 10.
7. ГАЯО. – Ф-3456. – Оп. 1. – Д. 22.
8. Лабораторная посуда.
9. ГАЯО. – Ф. 3456. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 1.
10. Булгаков, М. А. Тьма египетская [Текст] // Избранные сочинения в 3 т. – Т. 1. – М., 1998. – С. 47–55.
11. Курцев, Л. Н. Советские бани и парикмахерские в городской повседневности в годы Гражданской войны [Текст] / Л. Н. Курцев // Социальная история российской провинции : материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. Ю. Г. Салова, И. Ю. Шустрова; Яросл. Гос ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2009. – С. 212–216.
12. Участник революции 1905 г., в ссылке потерял зрение, после 1917 г. печатался как публицист, прозаик и поэт. Автор романа «Трехгорцы».
13. Известия Ярославского Губисполкома. 1920 г., 20 июля.
14. Подробнее см. Миронова, Н. А. Ассенизационный аспект санитарного состояния Ярославля в 1918 г. [Текст] // Вопросы отечественной и зарубежной истории : материалы конференции «Чтения Ушинского» исторического факультета ЯГПУ. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 177–184.
15. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 4.
16. Сайт Ярославского художественного музея [Электронный ресурс]. – <http://artmuseum.yar.ru>